

Д. В. Пузанов

**ПИСЬМЕННЫЕ ИЗВЕСТИЯ О КАЗНЯХ ПЛЕННЫХ
В ПОТЕСТАРНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ ПОВОЛЖЬЯ
И ПРИБАЛТИКИ КОНЦА XII – СЕРЕДИНЫ XIII В.¹**

Подробно рассматриваются зафиксированные в письменных источниках обычаи ритуальной казни пленных врагов у эстов, ливов и «мордванов». Конкретные формы казни сопоставляются с обычаями соседних народов, сказочным европейским фольклором и исторически засвидетельствованными обычаями племенных коллективов. Существующее сходство в обрядовых практиках, запечатленных в различных письменных источниках, объясняется исходя из современных археологических и текстологических открытий, теоретических разработок, палеоэтнографических реконструкций. Некоторым письменным свидетельствам были найдены соответствия в археологическом материале. Раскрываются литературные и фольклорные традиции, которые могли повлиять на описание «чужого» народа хронистами. Отмечено семантическое сходство казней через сжигание и разрубание. Эти способы разрушения тела были связаны с опасением, что покойный способен отомстить убийце, если не предпринять соответствующих мер. Проанализированы случаи сходства таких расправ с казнью – реактуализацией космогонии. Отмечено воздействие внешних условий на формирование местных ритуальных традиций, которые в немалой степени испытывали влияние мировых религий, агрессивное наступление которых актуализирует необходимость убийств и влияет на их ритуальное осмысление. Вследствие этого расправы могли приобретать особенно причудливые формы. Для постороннего наблюдателя они были тем более необычны. Средневековые авторы не всегда понимали смысл наблюдаемых ими действий, и на их восприятие в немалой степени должны были влиять существовавшие у рассказчика предрассудки и стереотипы.

Ключевые слова: Генрих Латвийский, Монах Юлиан, записка Рихарда, «мордваны», ливы, эсты, казни, жертвоприношения, средневековая письменность, фольклор.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-733-744

В XII–XIII вв. мир подходит к кульминационной стадии в развитии межрегиональных связей [Abu-Lughod 1993, 76]. Большую часть Европы к тому времени уже составляли «вторичные» или «реактивные» государства². Но в Восточной Европе все еще продолжается процесс наступления государственных образований на племенную периферию. Общества, пытающиеся отстоять свою политическую независимость, в таких условиях нередко приобретали облик военизированных потестарных образований. Такая ситуация, естественно, актуализировала необходимость расправ над противником. Важными источниками сведений о военной культуре

¹ Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-38.

² «Вторичное» («реактивное») государство – государство, развивающееся «во взаимодействии с другими государствами». В отличие от «первичного» («изначального») государства, формирующегося без подобных контактов (например, первые цивилизации Месопотамии и Мезоамерики) [Chase-Dunn, Hall 1997, 45].

племенных объединений того времени являются сообщения Юлиана о «мордванах»³ и Генриха об эстах и ливах.

Оба источника давно обращали на себя внимание исследователей как памятники, содержащие ценную и уникальную информацию. В то же время способы расправ в Средние века сложно рассматривать в отрыве от военных обычаев европейских народов в целом. Сообщения Юлиана и Генриха о расправах обычно исследовали как часть письменных свидетельств об определенной группе этносов [напр. Мокшин 1993], либо эти свидетельства привлекались как дополнительный источник сведений о культуре умерщвления, распространенной в Европе [напр. Лушин 2015]. В обоих случаях информация о казнях не подвергалась детальному анализу. Такой подход препятствовал успешному выявлению мифологем, которые влияли как на описание книжниками подробностей расправ, так и на логику поведения языческих племен.

В рамках данной работы была предпринята попытка рассмотреть сообщения о способах уничтожения пленных у мордван, эстов и ливов, описанных в таких уникальных памятниках, как свидетельства Юлиана и хроника Генриха. Для сравнения были выбраны эти три этноса, потому что информация о способах осуществляемых ими расправ наиболее подробно описана в указанных источниках. Сообщения хронистов сопоставлены с современными представлениями о ритуальных расправах в Европе и мире, а также с данными фольклора и археологии. Были подняты вопросы достоверности описываемых хронистами сюжетов.

Монах Юлиан свидетельствует об обычаях «мордванов» следующее: «тот человек, кто не убил многих людей, ни за что не считается; и когда кто-либо едет по дороге, то перед ним несут головы всех убитых им людей, и чем больше голов перед ним несут, тем выше он ценится. А из голов человеческих они делают чаши и особенно охотно пьют из них» [О существовании... 1940, 82]. Если при транспортировке головы насаживались на копьё или шест, то данному обычаю можно было бы подыскать множество параллелей [См. напр.: Сланов, Бурков 2013, 49]. О посадении отрубленной головы на кол упоминается в мокшанском фольклоре [Устно-поэтическое творчество... 1966, 179–182].

Но Юлиан ничего не сообщает о способе транспортировки. Как отражение обычая использовать головы в качестве трофея некоторые исследователи интерпретируют отдельные захоронения голов (без туловища) и туловищ (без головы), распространенные в Камско-Бельско-Икском междуречье эпохи раннего железного века [Зубов 2016, 33]. Захоронения одних черепов зафиксированы и в Окско-Сурском междуречье XI–XIII вв. [Осипова 2006, 68]. В то же время само по себе погребение голов ни о чем не говорит. Некоторые народы хоронили голову отдельно в случае, если не было возможности предать земле все тело [Фодор 2003, 375–376]. В некоторых культурах обезглавливанием могли проводить «обезвреживание». Имели место и другие мотивы лишения тела головы.

Изготовление чаши из головы врага также находит параллели в соседних культурах. Чаще всего (но далеко не всегда) письменные источники локализуют эту традицию в кочевой среде [Лушин 2015, 5]. В то же время ряд исследователей с сомнением относится к некоторым письменным свидетельствам об изготовлении из черепа чаш в восточноевропейских степях [Данилевский 2004, 124, 165; Литвина, Успенский 2018, 72–125]. А. Литвина и Ф. Успенский отмечают, что описания изготовления чаши из черепа в византийской, древнерусской и античной литературе встречаются в поразительно сходных сюжетах. При этом источник и описанные в нем события разделяет значительный временной промежуток. Исключением является сообщение Геродота об изготовлении чаш из черепов современными ему скифами. При этом, в отличие от других авторов, Геродот внимателен к деталям и технологии изготовления чаш [Литвина, Успенский 2018, 104–105]. Интересно, что наибольшая часть специально обработанных человеком черепов, которые археологи интерпретируют как чаши, находят на территории современной Украины в различных археологических культурах

³ Народность в Поволжье, обычно отождествляемая с мордвой [См. напр.: Мокшин 1993, 8–9].

рах энеолита – раннего железного века [Лушин 2015, 8]. Но для хронотопа юлиановых «мордванов» нет точных археологических аналогий. Следует особо подчеркнуть, что археологи могут лишь подтвердить факт искусственной обработки черепа, но не определить точно назначение таких манипуляций.

Как справедливо отметил В. Г. Лушин, сообщение Юлиана «одно из наименее информативных известий», из которого «неясно, использовались ли мордвой черепа поверженных врагов, как большей частью народов, у которых этот обычай отмечен древними авторами, или черепа соплеменников и даже родственников» [Лушин 2015, 7]. Чаши из черепов также могли быть связаны с культом плодородия и репродуктивной магией [Там же, 6]. Однако обстоятельства их использования (если оно и имело место в действительности) у «мордванов» реконструировать теперь едва ли возможно.

В то же время еще в позднеантичной письменной традиции сообщения об изготовлении чаш из черепа и других вариантах использования человеческого тела в качестве трофея превращаются в литературный шаблон, «указывающий на крайнюю варварскую дикость и жестокость» определенного племени [Литвина, Успенский 2018, 109]. Известие Юлиана об эксцентричных обычаях «мордванов» дошло до нас в записи Рихарда. Анализ текста не позволяет установить, непосредственные это наблюдения Юлиана или вторичная передача информации. Эпизод с описанием «дикости» «мордванов» мог иметь и идеологический смысл. Ведь после него повествуется о том, как «мордваны» от своих пророков узнали, что им необходимо принять христианство. Они отправили с этой целью послов к князю Владимирской земли, но «тот ответил: “Не мне надлежит это делать, а папе римскому. Ведь близко время, когда все мы должны принять веру римской церкви и подчиниться ее власти”» [О существовании... 1940, 82]. На такой ноте и завершается запись Рихарда. Не только русским и «мордванам» Юлиан приписывает желание принять христианство католического образца, но и жителям Великой Болгарии [Там же, 80–81]. И даже самое «дикое» и «кровожадное» племя – «мордваны», как следует из завершения записки, находится на пути подчинения власти Святого Престола.

Стремление языческих народов, находящихся в непосредственной близости к миссии Юлиана, принять христианство иррационально. Жителям Великой Болгарии будто бы стать католиками предрекли некие мудрецы, но день, когда это произойдет, не назвали [Там же, 80–81] (как тут не вспомнить апокалиптические пророчества о проповеди Евангелия по всему миру перед концом света, дня и часа которого «никто не знает» (Мф. 24:36)). Схожим образом мотивировано поведение мордванов, которые узнали о том, что им предстоит креститься также «от своих пророков» [Там же, 82]. Поведение русского князя, который должен был быть заинтересован в укреплении связей с мордванами в противовес Волжской Булгарии, тем более нелогично. Неужели среди православных христиан тоже бытовало какое-то пророчество? Не много ли совпадений?

Не вяжется с идеей о желании народов Восточной Европы перейти в католичество и сообщение Юлиана, согласно которому Русь и язычники, находящиеся между двумя венгриями, могут препятствовать обращению венгров-язычников в христианство из опасений, что, объединившись, венгры покорят находящиеся между ними земли [Там же, 82]. В другом сообщении Юлиана, записанном по результатам путешествия во время стремительного и победоносного наступления монгольских войск, суздальский князь препятствует обращению в христианство части разбитых татарами венгров-язычников и их отбытию в Панонию [Там же, 89].

Исследователи обычно доверяют запискам Юлиана на том основании, что это элемент внутренней дипломатической переписки закрытого делового характера [Храпачевский 2005, 424]. В то же время иногда в этих записях находят отражение мифологических конструктов (например, «пророчества о “царе Давиде, внуке пресвитера Иоанна”» [Почекаев 2007, 80]). В нашем случае следует отметить, что, отчитываясь о результатах первого похода, Юлиан был заинтересован в продолжении экспедиций. Миссию брат бросает, в том числе, и потому, что было необходимо сообщить венграм-христианам путь к своим поволжским родичам [О суще-

ствовании... 1940, 82]. Показать полную безальтернативность путешествий на восток явно не входило в планы монаха. Продвижение татаро-монгольских войск изменило ситуацию. Юлиан узнал об опустошении захватчиком Восточной Европы, о его победоносном шествии. Теперь надо было предупредить Венгрию о грозящей опасности [см. напр. Храпачевский 2005, 424].

Интересно, что пересекший на век раньше ту же местность ал-Гарнати не заметил особо эксцентричной военной культуры местных племенных объединений, хотя и пробыл там достаточное время [Путешествие... 1971, 37]. В то же время свидетельство Юлиана об изготовлении чаш из черепов – одно из немногих подобных сообщений о современных рассказчику обычаях.

Более информативные сообщения о способах казни пленных содержатся в Хронике Ливонии Генриха. Точность сведений этого источника оценить достаточно сложно. С одной стороны, исследователи говорят об обилии достоверных сведений, содержащихся в памятнике [Генрих... 1938, 65]. С другой, бесспорна идеологическая ангажированность хрониста. Когда речь заходит об описании языческих племен, в хронике довольно часто возникают библейские образы. Иногда враги христиан даже говорят языком ветхозаветных врагов Господа [Подберезкин 2013, 108]⁴.

Согласно источнику, ливы, совершая казнь над католическим духовенством, как и вообще над христианами, обычно прибегают к разным способам расчленения тела [Генрих... 1938, 77, 97–98]. Анализ хроники позволяет сделать вывод, что расчлененные тела убитых оставляли без погребения: после того, как жители Гольма (вероятно, ливы) порубили священника Иоанна на куски, духовенство собрало «тело его и кости» и предало земле в Риге [Там же, 98].

Схожим образом могли поступать с пленными и эсты. Чаще всего они предавали казнимых огню [Там же, 120, 135, 170–171, 225]. Если верить Генриху, казни у эстов были довольно сложными и комбинировали несколько вариантов расправы. В двух таких случаях использовались и разные способы расчленения. Например, священника цистерцианского ордена Фредерика и его ученика эсты после истязаний стали мучить огнем, а затем разрубили. Тела жертв были оставлены без погребения [Там же, 167–168]. У судьи Гебба и других пленных саккальцы будто бы вырывали внутренности. У Гебба вырвали сердце, зажарили и съели, чтобы обрести силы в борьбе с христианами. Тела оставили без погребения [Там же, 225]. Надо сказать, что оба сообщения подверглись явной идеологической обработке. В них присутствуют цитаты из Псалтыри, посвященные борьбе Израиля и Сиона с язычниками. В другом месте Генрих сообщает, как саккальцы (эсты) «тела убитых (представителей духовенства – Д.П.) бросили в поле на съедение собакам» [Там же]. О способе убийства хронист не сообщает, но факт того, что убитых было некому похоронить, снова заставляет Генриха вспомнить строки из Псалтыри: «оставив... трупы рабов твоих пищею птицам небесным, а тело святых твоих зверям земным, пролили кровь их, как воду, и некому было хоронить» [Там же].

О тесной связи разрубания/разрывания и оставления трупов на открытом воздухе свидетельствуют обычаи и соседних средневековых народов. Погребения князя Игоря, возможно, добивались киевляне во время противоборства с древлянами в 945 году. Во всяком случае, если верить летописной легенде, Ольга требует допустить ее не к могиле, а ко гробу (тело не кремировали?) мужа, и просит своих людей соорудить большую могилу [Лаврентьевская летопись... 1997, 57]⁵. Согласно наблюдениям И. В. Лисюченко, в русском фольклоре «отрицательных персонажей... разрывают надвое, чтобы отдать их тело на съедение воронам и сорокам» [Лисюченко 2009]. Однако тут возможна и обратная логика: врага рубили на части потому, что непогребенный мертвец не мог найти упокоение в загробном мире среди своих родственников. Он оставался на земле, превращался в злого духа, а значит, был способен отомстить обидчи-

⁴ В данном случае правда непонятно, чьи именно слова, по представлениям книжника, дословно воспроизводит прямая речь в тексте: старейшины ливов Дабрела, или его речь просто была похожа на речь филистимлян, которая и цитируется [Генрих... 1938, 101].

⁵ Изображение княжеского гроба и процесса возведения могилы-кургана присутствует в Радзивилловской летописи [Радзивилловская летопись... 1994, 29].

ку. При этом могли опасаться как непосредственно неразложившегося тела умершего [Флёров 1993, 44], так и остающейся в теле врага вредоносной силы [Лавлин 1981, 37–38].

Описанный Генрихом обычай поедания сердца как будто воспроизводит стандартную картину ритуальной антропофагии. По версии хрониста, эсты провели этот обряд, «чтобы стать сильными в борьбе против христиан» [Генрих... 1938, 225]. Исследователи обычно описывают религиозное людоедство как «человеческие жертвоприношения, которые представляются угодными божеству и сопровождаются вкушением всем племенем жертвенного мяса» [Жирмунский 1965, 10] (ср.: «вырвали сердце из груди у еще живого Гебба, зажарили на огне и, разделив между собой, съели» [Генрих... 1938, 225]). «Такое вкушение является средством симпатической магии, чтобы приобщиться (“причаститься”) силе убитого врага; некоторые части тела, например, сердце, печень и др., имеют при этом особенно важное значение как место пребывания души убитого» [Жирмунский 1965, 10]. Однако Генрих ничего не сообщает ни о составе людей, причастных к сакральной трапезе, ни о посвящении ее богам. В то же время гервенский судья Гебб не просто враг. Вероятно, он воспринимался как представитель вражеской знати, а расправа над ним имела, очевидно, коллективный характер. Можно предположить также, что Гебб был принесен в жертву дружинному богу (Тааре?), подобно тому, как в прошлом германцы приносили вражеских военачальников в жертву Тюру или Вотану отдельно от рядовых воинов [Картамышева 2006, 59].

В то же время есть серьезные причины сомневаться в достоверности сообщения Генриха о поедании эстами сердца. Мотив поедания сердца у человека, животного или чудовища широко распространен в фольклоре народов мира, в письменных источниках и научной литературе, но найти таким сообщениям реальные обрядовые соответствия не так-то просто. Широко распространен мотив поедания человеческого сердца и в сказочном фольклоре европейских народов (например, сюжет о том, как мужчина похищает сердце повешенного и скармливает его жене AT 366 [The types... 1961, 127], или торговец хочет убить чудесного мальчика, чтобы съесть его сердце и получить мудрость убитого AT 671 E [Ibid, 235]). Реальные охотничьи традиции, в которых употребление крови, сердца и печени недавно убитого животного имеет сакральный смысл, и мифологизация этих представлений [Жирмунский 1965, 10] могли являться дополнительным источником возникновения рассказов об аналогичных действиях с органами человека. В. Аренс, критически рассмотревший сообщения об антропофагии, пришел к выводу, что при широком распространении представлений о людоедах (как в разного рода сказаниях, так и в трудах профессиональных этнографов), нет ни одного удовлетворительного описания акта каннибализма в качестве одобряемой обществом традиции [Arens 1980]. Это в полной мере можно сказать и о сообщении Генриха. Не совсем понятно, откуда хронист узнал такие подробные детали расправы. Пленников в данном случае эсты убили в своем замке. Тело Гебба, у которого отсутствовало сердце (вырезание сердца могло проводиться в целях обезвреживания, добычи военного трофея и т.д.), могло стать причиной слухов о том, что этот орган послужил пищей для врагов. Детальное же соответствие сюжета о вырывании сердца у Гебба классическим представлениям о человеческом жертвоприношении может свидетельствовать либо о широком распространении подобных обычаев в средневековой Европе, либо о широком распространении мифологем, описывающих подобные действия.

Как дополнительный элемент расправы, а иногда для самостоятельной казни, эсты, согласно Генриху, использовали свойства огня. Смысл подобного действия в целом должен быть аналогичен разрыванию: необходимо было уничтожить останки человека, чтобы он потерял способность мстить. Кроме того, огонь обладал очистительными свойствами. Интересно, что монголы, активно практиковавшие отрубание голов, разрубание и сожжение по отношению к представителям непокорных социумов, считали расчленение более жестокой казнью, чем обезглавливание (с последующим сооружением из голов пирамид). А самой крайней мерой было сожжение, которое оставляет менее всего останков от врага [Чебаненко 2017, 120]. Интересно, что в волшебных сказках разных финно-угорских народов, включая эстонцев, отрицательных героев нередко уни-

что жают при помощи огня [Пузанов 2018, 196]. При этом верили, что неразвезанный пепел может приносить вред врагам сожженного [Там же, 202].

Смысл разрубания и сжигания, возможно, не сводился к желанию полностью уничтожить противника. Например, Т. Н. Дмитриева писала, что казнь через разрубание имела значение ««реактуализации» космогонии» [Дмитриева 2000, 12; 2012, 35]. Эти действия, по ее мнению, повторяли отраженные в мифах разных народов мотивы сотворения мира из расчлененного первосущества или создание природных объектов из частей расчлененного человека (например, девушки, нарушившей табу) [Дмитриева 2012, 36–37]. В таких формах расправы, как считает Т. Н. Дмитриева, расчленение было обязательным [Дмитриева 2000, 13]. В то же время многие описанные выше казни пленных через разрубание едва ли являлись «реактуализацией» космогонии, которая воспроизводится перед «каким бы то ни было значимым началом» [Дмитриева 2012, 36].

Мифы о возникновении разного рода объектов из расчлененных существ широко распространены у народов мира. При этом создающаяся из убитых новая материя может быть не только полезной, но и вредоносной. В сказках народов Восточной Европы можно найти сюжеты казни отрицательного персонажа, в которых части его распадающегося тела (например, от того, что его привязали к жеребцу и пустили вскачь) превращаются в дерн, скалу, болото и т. д. Но наибольший интерес представляют ситуации, когда в легендах о возникновении природных объектов используется не разрывание, а сжигание. Например, согласно сказаниям двух дальнеродственных народов – карел и нганасан, из пепла сожженного вредителя возникает «всякий гнус, мучающий человека» [Ступак; Мифологические сказки... 1976, 58; Сказки народов... 1980, 19]. Описанный вид сказок, кажется, несколько поясняет семантику разрывания и сжигания врага. Возможно, это производили с целью ослабить способность убитого мстить. Ведь останки умершего, вплоть до пепла, в верованиях язычников могли продолжать ассоциироваться с личностью покойника.

Таким образом, смысл во многих отношениях сопоставимых по своей символике казней разрубанием и сжиганием в той или иной степени заключен в разрушении человеческого тела, его полном уничтожении, или наоборот, в создании новых, менее вредоносных объектов. Конкретное значение каждого обряда могло варьироваться в зависимости от ситуации, особенностей культуры каждого общества, его представлений о смерти. Различия между способами казни у достаточно близких в культурном отношении эстов и ливов, кажется, обусловлены, в том числе, и тем, что ингумация (при стандартном погребении) у ливов (во времена Генриха ливы уже давно не применяли трупосожжение) [Спиргис 2016, 377] вытеснила кремацию намного раньше, чем это произошло у эстов [Седов 1987, 17–18] (не потому ли казни последних изощреннее?).

Интересно, что ритуалы, являющиеся повторением «мифического убийства», по мнению Т. Н. Дмитриевой, стадийно ограничены «обществами периода формирования ранних цивилизаций» [Дмитриева 2012, 38]. На большей части средневековой Европы политогенез явно носил черты зависимого развития. Ранние государства здесь образуются в тесном взаимодействии с уже развитыми цивилизациями, оставившими свидетельства о нравах наиболее активных потестарных образований, явно формировавшихся военным путем. Появление сильного в военном и идеологическом отношении противника порождало экстремальные формы ответа на этот вызов. При этом в условиях господства родо-племенного и языческого мировоззрения новые явления осмысливались в границах мифо-ритуального мышления. Этим, вероятно, и обуславливалось то обстоятельство, что насилие приобретало необычные для постороннего наблюдателя формы.

Сочетание «нового» и «старого» явно прослеживается в одной из ритуальных расправ эстов, описанных Генрихом. Захватив пленных в числе ста человек из тевтонов, ливов и лэтов, эсты отобрали четырнадцать человек, из которых часть предали огню, у других вырезали знак креста на спине и удавили. Оставшиеся были просто убиты [Генрих... 1938, 135]. Само по себе удушение, которое сопровождалось нанесением ран, было хорошо известно в регионе

у разных народов⁶. Однако, если Генрих верно описывал обряд вырезания именно креста, то таковой должен был возникнуть недавно и быть тесно связанным с противостоянием агрессии христианской цивилизации, противостоянием, у которого, в силу его религиозного характера, появились новые символы⁷.

Ситуация, в которой оказались военизированные потестарные общества, зажатые между наступавшими государственными образованиями, естественно актуализировала насилие. Здесь велась война за определенную идентичность, а значит, в определенной мере это была война на выживание. В то же время варварские общества, в которых война играла важнейшую роль в формировании иерархии, могли казаться необычными человеку из более развитого социума. Поэтому стоит учитывать, что средневековые хронисты, даже в том случае, если они описывали не своих непосредственных врагов (как в случае с Юлианом), должны были преувеличивать масштабы жестокости и военной экзотики подобных обществ. И что немаловажно, далеко не всегда понимали смысл описываемых ими обрядов.

С определенными оговорками можно доверять сюжетам, в которых местные племена рубят врагов на части или предают огню. Эти простые действия имеют широкое распространение. К тому же в языческой культуре мертвое тело продолжало ассоциироваться с личностью убитого: поэтому его останки следовало уничтожить либо преобразовать в менее вредоносную материю. Сообщение же Юлиана о хранении голов в качестве трофея и изготовлении чаш из черепов напоминает сложившийся к тому времени топос описания особенно дикого и жестокого, с точки зрения книжника, общества. Это описание, вкупе с идеей о намерении ряда народов Восточной Европы принять христианство, могло иметь идеологическое значение. Не следует доверять и подробной информации о ритуальной антропофагии у эстов, содержащейся в Хронике Ливонии, на которую могли повлиять распространенные в Европе мифологемы образа врага. Не развеивают сомнения и археологические свидетельства. Они редко позволяют определить конкретный смысл тех или иных манипуляций с останками человека.

ЛИТЕРАТУРА

Гельмольд из Босау. Славянская хроника // *Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский.* Славянские хроники / Ред.-сост. И. А. Настенко. М.: СПСЛ; Русская панорама, 2011. С. 151–304.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского, предисл. В. А. Быстрянского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. XV, 610 с.

Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект–Пресс, 2004. 370 с.

Дмитриева Т. Н. Жертвоприношение: поиски истоков // *Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней.* М.: Языки русской культуры, 2000. С. 11–22.

Дмитриева Т. Н. О неоднозначности понятия «жертвоприношение» // *Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель: Сборник научных трудов семинара «Теория и методология архаики»* / Под ред. М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинова. СПб., 2012. Вып. 5. С. 33–42.

Жирмунский В. М. «Пир Атрея» и родственные этнографические сюжеты в фольклоре и литературе // *Советская этнография.* 1965. № 6. С. 3–22.

Зубов С. Э. Декапитация и воинские трофеи в погребальной обрядности памятников раннего железного века Волго-Уралья. К постановке проблемы // *Поволжские финны и их соседи в древности и средние века, IV Всероссийская науч. конф. (2016; Саранск)* / Отв. ред. В. В. Гришаков. Саранск, 2016. С. 28–36.

Картамышева Е. П. Почитание предков в древнескандинавской дохристианской культуре: Дис. канд. ист. наук. М., 2006. 298 с.

Лафлин У. С. Алеутские мумии: их значение для исследования продолжительности жизни и изучения культуры // *Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. Труды советско-*

⁶ Например, у северных германцев [Негреев 2012, 133], балтов [Новиков 2012, 118] и славян [Чебаненко 2014, 168].

⁷ См. например, как славяне, согласно Гельмольду из Босау, вырезали пленным священникам крест на голове, вскрыли мозг, и «так водили исповедников Божьих по всем славянским городам, пока они не умерли» [Гельмольд... 2011, С. 173].

американской группы по сотрудничеству в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки / Отв ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1981. С. 33–50.

Лаврентьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Т. 1). М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.

Лисюченко И. В. Сакральность княжеской власти у восточных славян и ритуальные убийства правителей // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 12-2. С. 52–58.

Литвина А., Успенский Ф. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 192 с.

Лушин В. Г. Чаши из человеческих черепов // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики / Гл. ред. Е. П. Токарева. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2015. С. 5–13.

Мифологические сказки и исторические предания нганасан / Зап., подг. текстов, введ. и коммент. Б. О. Долгих. М.: Наука, 1976. 341 с.

Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1993. 240 с.

Негреев И. О. Древнескандинавский образ мирового Древа Иггдрасиль: функции и значение // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 2. С. 131–138.

Новиков А. С. Казнь Генриха Монте и мотив «двойной смерти» у пруссов // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2012. № 6. С. 118–122.

О существовании Великой Венгрии, обнаруженном братом Рихардом во время господина Папы Григория Девятого // Исторический архив. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 3. С. 77–82.

Осипова Т. В. Погребения с разрушенными костяками в средневековых могильниках Окско-Сурского междуречья: Дис. канд. ист. наук. Пенза, 2006. 250 с.

Подберезкин Ф. Д. Меченосцы и божественное провидение: библейские аллегории в Хронике Генриха Латвийского // Актуальные проблемы источниковедения: Мат. междунар. науч.-практ. конф. к 135-летию В. И. Пичеты. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. С. 107–109.

Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ; СПб.: Евразия, 2007. 350 с.

Пузанов Д. В. Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы. Древняя Русь и ее соседи: IX–XIII вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 480 с.

Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Пер. с араб. вступ. ст. и примеч. О. Г. Большакова, историч. коммент. А. Л. Монгайта. М.: Наука, 1971. 188 с.

Радзивилловская летопись: в 2 т. СПб.; М.: Глаголь; Искусство, 1994. Кн. 1: Факсимильное воспроизведение рукописи. 253 л.

Седов В. В. Эсты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М., 1987. С. 13–23.

Сказки народов сибирского севера. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. 194 с.

Сланов А. А., Бурков С. Б. Значение обрядов обезглавливания и скальпирования в скифской военной культуре // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2013. № 3. С. 49–54.

Спиргис Р. Археологические свидетельства распространения христианства на землях даугавских ливов в XI–XII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2013. № 28 (58). С. 370–459.

Ступак А. С. Карельская Сюоятар и коми Ёма: общее фольклорных образов // Лаборатория фольклористики РГГУ. URL: ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Stupak04.htm (дата обращения 04.04.2019).

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1966. Т.3. Ч.1. Мокшанские сказки / Сост., предисл., примеч. А. И. Маскаева. Под общ. ред. В. Я. Евсеева. 386 с.

Флёров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград: Перемена, ВГПИ, 1993. 144 с.

Фодор И. К вопросу о дохристианской религии древних венгров // Этнос – Культура – Человек: Сб. мат. междунар. науч. конф., посв. 60-летию В.Е. Владыкина / Глав. ред. В.А. Журавлев; отв. ред. Т.Г. Владыкина. Ижевск: АНК, 2003. С. 373–384.

Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. 557 с.

Чебаненко С. Б. Казнь князей Игоревичей в Галиче: правовой и ритуальный аспекты // Русин. 2014. № 2 (36). С. 162–181.

Чебаненко С. Б. Расправы монгольских завоевателей или обычаи восточных славян: находки пробитых гвоздями черепов // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 115–126.

Abu-Lughod J. L. The World System in the Thirteenth Century: Dead-End or Precursor? // *Islamic & European Expansion: the forging of a global order* / Edited by Adas M. Philadelphia: Temple university press, 1993. P. 75–102.

Arens W. The man-eating myth : Anthropology & anthropophagy. Oxford, New York, Toronto, Melbourne: Oxford univ. press, 1980. VIII, 212 p.

Chase-Dunn C., Hall T. D. Rise and Demise. Comparing World-Systems. Boulder; Cumnor Hill: Westview Press, 1997. XII, 322 p.

The types of the folktale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypes (FF Communications № 3) / Translated and Enlarged by S. Thompson. Second Revision. Helsinki, 1961. 588 p.

Поступила в редакцию 07.09.2020

Пузанов Даниил Викторович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка
и литературы УдмФИЦ УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: lpdmor@gmail.com

D. V. Puzanov

**WRITTEN SOURCES ABOUT EXECUTIONS OF PRISONERS IN POTESTARY SOCIETIES
OF THE VOLGA REGION AND THE BALTIC STATES OF THE END OF THE XII –
THE MIDDLE OF THE XIII CENTURIES**

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-733-744

The article describes in detail the customs of ritual execution of captured enemies of the Aests, Livs and the «Mordvans» described by written sources. Specific forms of execution are compared with the customs of neighboring peoples, fabulous European folklore and customs of tribal collectives. The parallels in the description of ritual practices by various written sources are explained on the basis of the modern archaeological and textual discoveries, theoretical developments, and reconstructions. Some written testimonies have been found to match the archaeological material. Literary and folklore traditions, which could influence the description of «alien» people by chroniclers, are revealed.

Semantic similarity of executions through burning and chopping is noted. Such methods of destruction of the body were associated with the fear that the deceased could take revenge on the killer, if the appropriate measures are not taken. Analyzed similarities of such reprisals with the execution-re-actualization of cosmogony. The influence of external conditions on the formation of local ritual traditions is noted. The pressure of world religions contributed to the contrast between new and old phenomena. Because of this contrast, reprisals could take on particularly bizarre forms. For an outside observer, they were even more unusual. Medieval authors did not always understand the meaning of the actions they observed. And their description to a considerable degree should have been influenced by the prejudices and stereotypes inherent to the narrator.

Keywords: Henry of Latvia, Friar Julian, Richard's note, Mordvans, Livs, Aests, executions, sacrifices, beheading, dismemberment, burning, medieval writing, folklore.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 733–744. In Russian.

REFERENCE

Gel'mol'd iz Bosau. Slavyanskaya khronika [Helmold of Bosau. Slavic Chronicle]. *Adam Bremenskii, Gel'mol'd iz Bosau, Arnol'd Liubekskii. Slavyanskii khroniki* [Adam of Bremen, Helmold of Bosau, Arnold of Lübeck. Slavonic Chronicles]. Moscow, SPSL, Russ-kaia panorama Publ., 2011, pp. 151–304. In Russian.

Genrikh Latviiskii. Khronika Livonii [The Livonian Chronicle of Henry]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1938. XV, 610 p. In Russian.

Danilevskii I. N. *Povest' vremennykh let: germenevticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov* [Tale of Bygone Years: the hermeneutical foundations of the source study of chronicle texts]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2004. 370 p. In Russian.

Dmitrieva T. N. Zhertvoprinoshenie: poiski istokov [Sacrifice: the search for origins]. *Zhertvoprinoshenie: Ritual v kul'ture i iskusstve ot drevnosti do nashikh dnei* [Sacrifice: ritual in culture and art from antiquity to the present day]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 11–22. In Russian.

Dmitrieva T. N. O neodnoznachnosti ponyatiya «zhertvoprinoshenie» [On the ambiguity of the concept “sacrifice”]. *Zhertvoprinoshenie v arkhaike: atributsiya, naznachenie, tsel': Sbornik nauchnykh trudov seminara «Teoriya i metodologiya arkhaiki»* [Sacrifice in archaic: attribution, purpose, goals: Collection of scientific works of the seminar “Theory and methodology of archaic”]. Saint Petersburg, 2012, is. 5, pp. 33–42. In Russian.

Zhirnuskii V. M. «Pir Atreya» i rodstvennye etnograficheskie syuzhety v fol'klore i literature [“Feast of Atreus” and related ethnographic themes in folklore and literature]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1965, no 6, pp. 3–22. In Russian.

Zubov S. E. Dekapitatsiya i voinskie trofei v pogrebal'noi obryadnosti pamyatnikov rannego zheleznoogo veka Volgo-Ural'ya. K postanovke problem [Decapitation and military trophies in the funeral rites of the monuments of the early Iron Age Volga-Ural. To the problem statement]. *Povolzhskie finny i ikh sosedi v drevnosti i srednie veka, IV Vserossiiskaya nauch. konf. (2016; Saransk)* [Volga Finns and their neighbors in antiquity and the Middle Ages, IV All-Russian Scientific. conf. (2016; Saransk)]. Saransk, 2016, pp. 28–36. In Russian.

Kartamysheva E. P. *Pochitanie predkov v drevneskandinavskoi dokhristianskoi kul'ture: Dis. kand. ist. nauk* [Ancestors honoring in Old Norse Pre-Christian Culture: Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2006, 298 p. In Russian.

Lafin U. S. Aleutskie mumii: ikh znachenie dlya issledovaniya prodolzhitel'nosti zhizni i izucheniya kul'tury [Aleut mummies: their importance for the study of life expectancy and the study of culture]. *Traditsionnye kul'tury Severnoi Sibiri i Severnoi Ameriki. Trudy sovetsko-amerikanskoi gruppy po sotrudnichestvu v oblasti izucheniya vzaimodeistviya aborigennykh narodov i kul'tur Severnoi Sibiri i Severnoi Ameriki* [Traditional cultures of Northern Siberia and North America. Proceedings of the Soviet-American Group for Cooperation in the Study of the Interaction between Aboriginal Peoples and Cultures of Northern Siberia and North America]. Moscow, Nauka, 1981, pp. 33–50. In Russian.

Lavrent'evskaia letopis' (Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 1). [Laurentian Codex (Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 1)]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. 496 p. In Russian.

Lisyuchenko I. V. Sakral'nost' knyazheskoi vlasti u vostochnykh slavyan i ritual'nye ubiistva pravitelei [Sacrality of princely power for East Slavs and ritual murders of rulers]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific problems of humanitarian studies], 2009, no 12-2, pp. 52–58. In Russian.

Litvina A., Uspenskii F. *Pokhvala shchedrosti, chasha iz cherepa, zolotaya luda... Kontury russko-varyazhskogo kul'turnogo vzaimodeistviya* [A Praise to Generosity, a Skull Bowl, and Varangians]. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2018 p. In Russian.

Lushin V. G. Chashi iz chelovecheskikh cherepov [Human Skull-Cups]. *Drevnie kul'ty, obryady, ritualy: pamyatniki i praktiki* [Ancient cults centers and ritual practices]. Zimovniki, Zimovnikovskii kraevedcheskii muzei Publ., 2015, pp. 5–13. In Russian.

Mifologicheskie skazki i istoricheskie predaniya nganasan [Mythological tales and historical legends of the Nganasans]. Moscow, Nauka, 1976. 341 p. In Russian.

Mokshin N. F. *Mordva glazami zarubezhnykh i rossiiskikh puteshestvennikov* [Mordva through the eyes of foreign and Russian travelers]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo, 1993. 240 p. In Russian.

Negreev I. O. Drevneskandinavskii obraz mirovogo Dreva Iggdrasil': funktsii i znachenie [The Norse Image of the World Tree Yggdrasil of Function and Meaning]. *Evraziya: dukhovnye traditsii narodov* [Eurasia: Spiritual Traditions of Nations], 2012, no 2, pp. 131–138. In Russian.

Novikov A. S. Kazn' Genrikha Monte i motiv «dvoinoi smerti» u prussov [The execution of Henry Monte and the Prussian motif of “double death”]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [IKBFU's Vestnik. Ser. The humanities and social science], 2012, no 6, pp. 118–122. In Russian.

O sushchestvovanii Velikoi Vengrii, obnaruzhennom bratom Rikhardom vo vremya gospodina Papy Grigoriya Devyatogo [On the existence of Great Hungary, discovered by Brother Richard during Mr. Pope Gregory the Ninth]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical archive]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1940. vol. 3, pp. 77–82. In Russian.

Osipova T. V. *Pogrebeniya s razrushennymi kostyakami v srednevekovykh mogil'nikakh Oksko-Surskogo mezhdurech'ya: Dis. kand. ist. nauk* [Burials with destroyed bones in the medieval burial grounds of the Oka-Sursk interfluvium: Cand. hist. sci. diss.]. Penza, 2006. 250 p. In Russian.

Podberezkin F. D. *Mechenoscy i bozhestvennoe providenie: biblejskie allegorii v Hronike Genriha Latvijskogo* [Swordsmen and Divine Providence: Biblical Allegories in the Chronicle of Henry of Latvia]. *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. k 135-letiyu V. I. Pichety* [Actual Problems of Source Studies: Mat. Int. scientific-practical conf. to the 135th anniversary of V. I. Picheta]. Vitebsk, VGU imeni P. M. Masherova Publ., 2013, pp. 107–109. In Russian.

Pochekaev R. Yu. *Bat'j. Han, kotoryj ne byl hanom* [Batu. A khan who was not a khan]. Moscow, Saint Petersburg, AST Publ., Evraziya Publ., 2007. 350 p. In Russian.

Puzanov D. V. *Prirodnye javleniya v sakralnoj kartine mira narodov Vostochnoj Evro-py. Drevnjaja Rus i ee sosedi: IX–XIII vv.* [Natural phenomena in the sacral world view of the peoples of Eastern Europe. Old Rus and its neighbors: IX–XIII centuries]. Saint Petersburg, Izdatelstvo Olega Abyshko Publ., 2018. 480 p. In Russian.

Puteshestvie Abu Khamida al-Gharnati v Vostochnuiu i Tsentral'nuiu Evropu (1131–1153 gg.) [The journey of Abu Hamid al-Gharnati in Eastern and Central Europe (1131–1153)]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 188 p. In Russian.

Radzivilovskaya letopis': v 2 t. [Radziwill Chronicle: in 2 vol.]. Saint Petersburg, Moscow, Glagol', Iskusstvo Publ., 1994. Vol. 1: Faksimil'noe vosproizvedenie rukopisi [Facsimile reproduction of a manuscript]. 253 l. In Russian.

Sedov V. V. *Esty* [Aests]. *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya* [Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 13–23. In Russian.

Skazki narodov sibirskogo severa [Tales of the peoples of the Siberian north]. Tomsk, Tomskogo un-ta Publ., 1980. 194 p. In Russian.

Slanov A. A., Burkov S. B. *Znachenie obyadov obezglavlivaniya i skal'pировaniya v skifskoi voennoi kul'ture* [The significance of beheading and scalping ceremonies in Scythian military culture]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki* [Vestnik of North Ossetian State University after K.L. Khetagurov. Social sciences], 2013, no. 3, pp. 49–54. In Russian.

Spirgis R. *Arkheologicheskie svidel'stva rasprostraneniya khristianstva na zemlyakh daugavskikh livov v XI–XII vv.* [The spread of Christianity among the Livs of the lower Daugava river in the XI–XII cc.]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli* [Archeology and history of Pskov and Pskov land], 2013, no. 28 (58), pp. 370–459. In Russian.

Stupak A. S. *Karel'skaya Syuoyatar i komi Ema: obshchee fol'klornykh obrazov* [Karelian Sujodar and Komi Yema: a common folklore image]. *Laboratoriya fol'kloristiki RGGU* [Laboratory of Folklore Studies of the RSUH]. URL: ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Stupak04.htm (accessed 4 April 2019). In Russian.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda [Oral poetry creativity of the Mordovian people]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe Publ., 1966. Vol. 3. Part 1: Mokshanskije skazki [Moksha tales]. 386 p. In Russian.

Flyorov V. S. *Pogrebal'nye obriady na severe Khazarii (Maiatskii mogil'nik)* [Funeral rites in the north of Khazaria (Mayatsky burial ground)]. Volgograd, Peremena, VGPI Publ., 1993. 144 p. In Russian.

Fodor I. *K voprosu o dokhristianskoi religii drevnikh vengrov* [On the issue of the pre-Christian religion of the ancient Hungarians]. *Etnos – Kul'tura – Chelovek: Sb. mat. mezhdunar. nauch. konf., posv. 60-letiyu V. E. Vladykina* [Ethnos – Culture – People: collection of materials international scientific conf. the 60th anniversary of V. E. Vladykin]. Izhevsk, ANK Publ., 2003, pp. 373–384. In Russian.

Hrapachevskij R. P. *Voennaya derzhava Chingiskhana* [Military power of Genghis Khan]. Moscow, AST: LYUKS Publ., 2005, 557 p. In Russian.

Chebanenko S. B. *Kazn' knyazei Igorevichei v Galiche: pravovoi i ritual'nyi aspekty* [The execution of Igorevichi Princes in Galich: juridical and rite aspects of the event]. *Rusin* [Rusin], 2014, no. 2 (36), pp. 162–181. In Russian.

Chebanenko S. B. *Raspravy mongol'skikh zavoevatelei ili obychai vostochnykh slavyan: nakhodki probitykh gvozdyami cherepov* [Archaeological findings of the nail-pierced Human skulls: executions by mongolian invaders or east slavs' customs?]. *Istoricheskii format* [Historical format], 2017, no. 1-2, pp. 115–126. In Russian.

Abu-Lughod J. L. The World System in the Thirteenth Century: Dead-End or Precursor? *Islamic & European Expansion: the forging of a global order*. Philadelphia, Temple university press, 1993, pp. 75–102.

Arens W. *The man-eating myth : Anthropology & anthropophagy*. Oxford, New York, Toronto, Melbourne, Oxford univ. press, 1980. VIII, 212 p.

Chase-Dunn C., Hall T. D. *Rise and Demise. Comparing World-Systems*. Boulder, Cumnor Hill, Westview Press, 1997. XII, 322 p.

The types of the folktale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypes (FF Communications № 3). Helsinki, 1961. 588 p.

Received 07.09.2020

Puzanov Daniil Viktorovich,

Candidate of Sciences (History), Researcher,
Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
E-mail: lpdmor@gmail.com